

*М.Ю. Ломоносов, PhD in Sociology, доцент
Назарбаев университет (Астана),
ТюмГУ (Тюмень)*

ТЕОРИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПРИВЯЗАННОСТИ К МЕСТУ: НОВЫЙ ЭТАП ДИСКУССИИ О СОЮЗЕ ГЛОБАЛИЗМА И ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСТВА В XXI в.

В последние десятилетия изучение гражданства и гражданственности в политической и социальной теории фокусировалось на экономических, демографических, культурных и экологических последствиях глобализации. Исследователи отмечали, что под влиянием глобальных трансформаций произошло усиление наднациональных, субнациональных и ненациональных акторов. Вместе с «отступлением» национальных государств гражданство, с одной стороны, все больше опиралось на территориальный принцип (так называемый «citizenship lite») [1], а с другой, отдалялось от либерально-правовой модели, когда его основным критерием признавалась документная связь с государством (паспорт) и ограниченный набор прав гражданина. Некоторые теоретики провозгласили кризис гражданства. Однако сегодня этот «кризис» уместно рассматривать в качестве довольно далеко зашедших трансформаций в условиях устанавливающегося полицентричного миропорядка. На глобальном уровне происходит дрейф гражданства от либеральной к республиканской модели и перформативной гражданственности [2]. Перформативная гражданственность предполагает участие в политической жизни акторов разных уровней «явочным порядком», через деятельное истребование прав. Сегодня перформативное гражданство вовлекает новых субъектов (мигранты, молодежь, жители государств периферии, субгосударственных образований), предлагает новые формы политической жизни (например, «новые социальные движения»), новые уровни политической принадлежности (улица, район, регион, земной шар). Получает стремительное развитие экологическая гражданственность как альтернативная форма гражданства. Ее особенностью является множественная и часто ненациональная принадлежность, например, в форме заботы об окружающей среде города, всего мира или определенной экосистемы.

Примечательно, что в связи с умножением числа акторов и расслоением идеологической повестки природоохранного движения, экологическая мысль также диверсифицировалась. С одной стороны, с 1970-х гг. активно развивалась теория экологической гражданственности. Ее авторы опирались на традиции политической и социальной философии гражданства. Они подчеркивали,

что для охраны природы недостаточно регулятивных мер государств и задействования «зеленых» технологий бизнесом. А потому применяли методы мыслительного эксперимента и концептуального анализа, отвечая на вопрос: Какие модели гражданства и гражданственности должны быть приняты обществом, чтобы природоохранные установки и деятельность стали частью повседневной жизни? За несколько прошедших десятилетий оформилось несколько подходов к экологической гражданственности: либеральный, республиканский, космополитичный, феминистский, неолиберальный [3]. Нормативный, неэмпирический характер изысканий в области экологического гражданства приводил авторов к глобальному, надгосударственному уровню анализа. Обсуждались проблемы «собственнического взгляда на природу» в условиях международной конкуренции, «обязательств в отношении будущих поколений», глобального неравенства и «экологического долга», справедливости по отношению к женщинам разных стран.

С 1990-х гг. в дополнение к новой неэмпирической области гуманитарных исследований окружающей среды зародилось другое, эмпирическое направление – дискриптивная теория привязанности к месту (place attachment, sense of place). Привязанность к месту понималась как незримая симпатия человека или сообщества к определенной территории или ландшафту, которые субъективно ощущаются и осмысляются как «свое», «родственное» место. Исследователи установили, что эта привязанность может мотивироваться альтруизмом, но иногда представляет собой «связь по расчету» (place dependence). Привязанность к месту стала объектом внимательного изучения психологов, экономистов и инженеров-урбанистов из разных стран [4; 5; 6]. Теории экологической гражданственности и привязанности к месту развивались и продолжают развиваться изолированно друг от друга. Однако с начала 2000-х гг. стали появляться работы, посвященные взаимосвязи между привязанностью к месту и экологическим поведением [5; 9]. Экологическое поведение фактически является одной из форм природоохранной гражданственности, несмотря на разницу в терминах. Эмпирические исследования психологов и социологов показали, что топофилия (еще одно обозначение «привязанности к месту») нередко приводит людей к стремлению взять «шефство» над ландшафтом и активнее участвовать в жизни местного сообщества. Эмоционально привязанные люди стремятся защитить «свое место» от реальных и воображаемых угроз, обустроить его, обеспечить его содержание, а также сохранить и преумножить его символическое значение [9]. Несмотря на новый природоохранный фокус, очевидно, что исследователи топофилии понимают «место» как нечто сугубо локальное (улица, квартал, район, населенный пункт). И этот подход диссонирует с глобалистскими установками теоретиков экологического гражданства разных направлений.

Глобальные политические трансформации и распространение перформативной, «явочной» гражданственности ставят вопросы о том, (а) как вписать охрану природы в глобальную повестку в условиях рассогласования интересов широкого круга акторов, (б) каковы нынешние возможности и ограничения сочетания глобализма и местного «патриотизма» в области экологии? На теоретическом уровне эти вопросы трудно решать без критического синтеза исследований экологической гражданственности и привязанности к месту. Например, социальные исследователи обнаруживают, что привязанность к конкретному сообществу без любви к конкретному же природному ландшафту слабо отражается на экологическом сознании. Поэтому склонность либеральных теоретиков признавать только людей субъектами гражданственности и носителями прав, по всей видимости, оказывается недостаточной для формирования коллективного экологического действия. «Общественный договор» нуждается в ревизии на более инклюзивной основе, которая бы поставила под сомнение сложившиеся экономические, социальные и межвидовые иерархии. Другим ограничением является то, что теория экологической гражданственности имеет глобальный фокус, а исследователи топофилии преимущественно изучают местные привязанности. В условиях «вовращения» национальных государств и консолидации регионов мира, реализация экологической гражданственности только на глобальном и местном уровнях может быть ограниченной. Поэтому необходимо понимание того, каковы поведенческие последствия национальных и региональных привязанностей, насколько далеко распространяется действие привязанности к месту как фактора экологической гражданственности, а также каковы возможности взаимодействия привязанностей разных географических масштабов [10].

Список источников

1. Joppke, Ch. The inevitable lightening of citizenship / Ch. Joppke // *European Journal of Sociology. Archives européennes de sociologie*. – 2010. – Vol. 51, № 1. – P. 9–32.
2. Isin, E. Performative citizenship / E. Isin // *The Oxford Handbook of Citizenship* / ed.: A. Shachar [etc.]. – New York, 2017. – P. 501–523.
3. Cao, B. *Environment and Citizenship* / B. Cao. – Milton Park : Routledge, 2015. – 305 p.
4. Lewicka, M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? / M. Lewicka // *Journal of Environmental Psychology*. – 2011. – Vol. 31, № 3. – P. 207–230.

5. Резниченко, С. И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены / С. И. Резниченко // Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5, № 3. – С. 15–27.
6. Щукин, В. Г. Заветное «где». Топофилия и методы ее исследования / В. Г. Щукин // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 69–90.
7. Daryanto, A. A meta-analysis of the relationship between place attachment and pro-environmental behavior / A. Daryanto // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 123. – P. 208–219.
8. Nicolosi, E. Engagement with climate change and the environment: a review of the role of relationships to place / E. Nicolosi, J. B. Corbett // Local Environment. – 2018. – Vol. 23, № 1. – P. 77–99.
9. Scannell, L. The psychology of place attachment / L. Scannell, R. Gifford // Environmental Psychology: Principles and practice / ed.: R. Gifford. – Colville, 2007. – P. 272–300.
10. Devine-Wright, P. Think global, act local? The relevance of place attachments and place identities in a climate changed world / P. Devine-Wright // Global Environmental Change. – 2013. – Vol. 23, № 1. – P. 61–69.

И.А. Малюк, магистрант

*Научный руководитель – О.Г. Казак, кандидат исторических наук
БГЭУ (Минск)*

РОССИЯ И «МЯГКАЯ СИЛА»: МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ И РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

С началом нового тысячелетия мировая политика стала претерпевать существенные изменения. Сегодня теория «мягкой силы» становится неотъемлемой частью этого эволюционного процесса. Усиление глобализации привело к преобразованию моделей глобальной конкуренции. Современные постиндустриальные государства, столкнувшись с внедрением новейших технологий, для поддержания конкурентоспособности в сфере мировой политики и международных отношений все больше направляют свое внимание в международном общении с инструментов «принуждения» на методологию так называемых «предложений». Основополагающим методом влияния на другое государство становятся инструменты «мягкой силы», а именно экономический успех, культурная привлекательность страны, идеологическая убедительность.

Во внешней политике любой страны «мягкая сила» становится все более актуальной темой, тем самым превращаясь из абстрактной концепции